

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

М.В. Беспалова*

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРИЗНАК ГОСУДАРСТВА И КАК ПРИНЦИП ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Аннотация. В статье дан анализ подходов к суверенитету как к признаку государства и как к принципу права. Сделан вывод о том, что суверенитет как признак государства представляет собой характеристику верховенства и независимости его власти, а как принцип права является собирательным правовым понятием, выраженным во множестве конкретных правовых принципах и нормах права, говорящих о носителе государственной власти, организации ее осуществления, а также о гарантиях установленного порядка властвования внутри государства и его внешней независимости. Автором предложено провести разграничение данных подходов к пониманию суверенитета с помощью применения логических приемов построения описательных и оценочных (нормативных) высказываний. Особое внимание уделено юридическим гарантиям народного суверенитета, содержащимся в законодательных актах современных государств Европы, подчеркнуты проблемные аспекты его обеспечения и необходимость нахождения оптимального баланса распределения полномочий не только между органами государственной власти, но и между представительными и прямыми формами народовластия. На основе сравнительного анализа законодательства РФ и иных европейских государств сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования институтов народного суверенитета в нашем государстве, в том числе прямых форм его осуществления.

Ключевые слова: суверенитет, признак государства, принцип права, гарантии суверенитета, народный суверенитет, представительное народовластие, прямое народовластие, референдум, законодательство, европейские государства.

Традиционно в юридической науке суверенитет рассматривается как качественный признак государства¹. Между тем, особое

внимание права к суверенитету и государству в целом все чаще побуждает законодателей и ученых обращаться к рассмотрению данной ка-

¹ См., напр.: Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография. М.: ИНФРА-М,

2012. С. 5; Чиркин В.Е. Современное государство: монография. М.: Международные отношения, 2001. С. 15.

© Беспалова Мария Владимировна

* Аспирантка кафедры теории государства и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
[mbespalova@list.ru]

119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1.

теории как к одному из принципов права². При этом в литературе его содержание не получает, на наш взгляд, должной конкретизации.

Суверенитет как признак государства представляет собой верховенство и независимость власти, обладающей способностью к исключительному самоопределению в выборе путей развития государства. Он предполагает верховенство политической власти в сопоставлении с другими властями в рамках своей территории и независимость по отношению к иным политико-территориальным союзам вовне.

В общем виде верховенство власти выражается в том, что она устанавливает и поддерживает универсальный правовой порядок, имеет приоритет по отношению к другим властвующим субъектам и всем лицам, находящимся в пределах территориальной сферы ее распространения, предписывает им обязательные веления и обладает монополией на применение принуждения. По словам Б.А. Кистяковского, по сравнению с государством, власть всех остальных социальных организаций частична, а самое главное — нуждается для своего существования в санкции и в поддержке со стороны государственной власти³. Это означает, что верховенство — характеристика сравнительная, выражающая нахождение власти на высшей ступени иерархии всех властей в государстве. Никто не имеет возможности издавать в отношении суверенной власти обязательные приказы и принудительно их обеспечивать. Наоборот, в случае нарушений установленного суверенной властью порядка все субъекты обращаются именно к ней за защитой своих прав. При этом само верховенство не сводится к объему государственно-властных полномочий, который может варьироваться или частично делегироваться для осуществления иным субъектам в зависимости от преобладающих идей развития государства. Однако до тех пор, пока власть может менять установленный ею набор и порядок осуществления властных полномочий, она остается суверенной.

Независимость власти означает её неподчиненность верховным властям других государств, отсутствие между ними властеотношений при возможности наличия только добровольно принятых на себя договорных обязательств. При этом следует иметь в виду, что в современном мире все государства связаны определенным набором обя-

зательств, исходящих из общепризнанных принципов международного права (например, запрет агрессии или уважение прав человека и суверенитета других государств), за нарушение которых международное сообщество предусмотрело возможность применения принудительных мер, на что государство могло и не давать своего предварительного согласия. Однако такими нормами в одинаковой степени связаны все существующие государства, и поэтому между собой они находятся в юридически равном положении.

Далее, для того чтобы разобраться в вопросе о разграничении подходов к суверенитету как к признаку государства и как к принципу права, проанализируем логические приемы построения описаний и оценок. Описательные высказывания говорят о том, что имеет или не имеет место⁴; оценочные — устанавливают ценность какого-либо объекта⁵. Нормативные высказывания, как частный случай оценок, выражают то, что должно, может или не должно быть⁶.

Поскольку государство в полноте всех своих признаков является реально существующим явлением вне зависимости от каких-либо оценок, то высказывания о его сущности относятся к логической категории описаний, утверждений о сущем. Здесь проблема заключается в том, чтобы правильно (т.е., с точки зрения логики, истинно) дать описание познаваемому предмету. Описывая суверенитет, мы исходим, прежде всего, из объективности того факта, что власть государства отличается от власти любого другого территориального сообщества людей свойством верховенства. Даже противники категории суверенитета не могут обойти это обстоятельство. Так, говоря о существовании несuverенных государств, Г. Еллинек все же описывает их власть как самостоятельную и господствующую, обладающую возможностью нормировать свою компетенцию⁷. Ж. Маритен, критикуя понятие суверенитета, предлагает признавать полную внешнюю и внутреннюю автономию политического сообщества⁸. Однако замена терминов вовсе не свидетельствует в пользу указанных теорий, а скорее, наоборот, подтверждает невозможность обойти реальное наличие у государственной власти особых характеристик верховенства, самостоятельности, независимости, каким бы термином они не назывались.

² См., напр.: Ереклинцева Е.В. Проблемы определения суверенитета в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 5. С. 3–8; Крылов Б.С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С. 2–6; Левин И.Д. Суверенитет: монография. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 11–18. 373 с.

³ Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1998. С. 241.

⁴ Ивин. А.А. Логика: для юристов: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2005. С. 121.

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же. С. 121.

⁷ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 471–477.

⁸ Маритен Ж. Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 46.

Итак, подходя к суверенитету как к признаку государства, мы делаем *описание* того, что *есть* в жизни людей на самом деле. Однако функционирует суверенная власть в государствах по-разному, вокруг нее всегда существует множество *оценок*, идей, установок, направленных на определение того, кто *должен* быть носителем суверенитета и как *должна* осуществляться верховная власть. Признанные наиболее целесообразными, справедливыми и нужными, данные *оценки* закрепляются в праве и приобретают форму правовых норм-принципов — основополагающих правовых идей о *должном*.

Суверенитет может быть выражен в правовых системах разных государствах по-разному, в зависимости от возобладавших в конкретный период времени в обществе правовых взглядов и оценок. Например, народный суверенитет есть принцип принадлежности верховной власти народу, имеющий в своей основе ценностную идею естественных прав человека, прежде всего, права народа на самоопределение и на участие человека в управлении государством, которая начала формироваться в XVII–XVIII вв. под влиянием взглядов философов-просветителей. В отличие от суверенитета как признака государства, суверенитет как принцип права мы рассматриваем не с точки зрения истинности или ложности предложенного описания его сущности, а с точки зрения необходимости, целесообразности, справедливости установленных правовых норм. По словам И.Д. Левина, «принцип суверенитета воплощает морально-политические требования современной демократии»⁹.

Далеко не всегда законодательство фиксирует то обстоятельство, что государство суверенно и обладает верховной властью, поскольку эти свойства являются для него само собой разумеющимися и не зависящими от их отражения в правовых текстах. Не содержат норм о суверенности, верховенстве и независимости своего государства конституционные акты Австрии, Армении, Бельгии, Германии, Греции, Дании, Исландии, Лихтенштейна, Мальты, Сан-Марино, Словении, Швейцарии, Швеции¹⁰, что несколько не свидетельствует об отсутствии у них этих качеств. Тем временем, вопросы организации верховной власти, гарантии целостности и неприкосновенности государства, его независимости получают всестороннее освещение. Собственно, для людей, населяющих

государство, не так важен сам факт наличия в текстах законодательных актов норм о его суверенности, как определение должного порядка осуществления верховной власти, принадлежности ее определенному субъекту, а также необходимых гарантий суверенитета. Эти вопросы получают сперва идейную, а затем и правовую оценку и детально прописываются в нормах права, отражающих важные общественные ценности и идеалы¹¹. Другими словами, право не устанавливает наличие в том или ином политико-территориальном коллективе суверенитета и верховной власти, но оно закрепляет должное их осуществление и гарантии существования. Именно в этих нормах нам следует искать понимание суверенитета как принципа права.

В целом, четкое осознание различий между суверенитетом как признаком государства и как принципом права помогает лучше понять внутреннюю природу суверенитета, соотнести различные подходы к его определению и в целом делает исследование более продуктивным.

Связующим звеном между суверенитетом — признаком государства и суверенитетом — принципом права является рассмотрение государства не просто как *данности*, но и как *ценности*, как устоявшейся и наиболее приемлемой организации жизни людей. Это приводит к осознанию необходимости закрепления в законодательстве гарантий суверенитета — основы сохранения и защиты государства, в виде принципов суверенности, независимости, самостоятельности государства, целостности его территории, верховенства конституции, единства правовой и судебной систем. Дело в том, что из утверждения о суверенитете как о признаке государства вовсе не следует тот факт, что государство должно оставаться стабильным и защищенным от возможных посягательств со стороны других государств и иных субъектов (как из любого описательного суждения о сущем не следует суждение нормативное и оценочное о должном¹²). Например, касательно внешнего аспекта, признание Вестфальским мирным договором 1648 г. государственного суверенитета¹³ автоматически не привело к установлению режима уважения суверенитета других государств, суверенного равенства, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела. Потребовалось ещё несколько столетий серьезных военных конфликтов и гуманитарных катастроф,

⁹ Левин И.Д. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Тексты Конституций и Основных законов европейских государств здесь и далее см.: Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. и со вступительной статьей директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Л.А. Окунькова. М.: Изд-во НОРМА, 2001. Ссылки на конституционные акты, рассматриваемые нормы которых подверглись изменениям, даны отдельно.

¹¹ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. С. 84.

¹² См.: Ивин А.А. Логика: учеб. пособ. М.: Изд-во Юрайт, 2012. С. 190–197.

¹³ Беляев М.П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира: Из истории Вестфальского мирного конгресса. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. С. 93, 98.

для того чтобы наряду с фактом признания за государством суверенитета вызрела идея всеобщего равенства, уважения и неприменения силы друг к другу. Другими словами, необходимость защиты суверенитета обеспечивается не самим его наличием, а нормальным желанием людей жить в мире и спокойствии, без революционных потрясений и внешней агрессии. Эта идея была воплощена как в международном (принципы суверенного равенства, нерушимости территориальных границ, невмешательства во внутренние дела, запрет агрессии)¹⁴, так и во внутригосударственном праве, и развилась в системе гарантий сохранения суверенитета государства и установленного в нем порядка.

В качестве гарантий суверенности власти все государства предусматривают общий запрет на захват и присвоение власти, верховенство своих конституций и основных законов и изданных на их основе текущих законов, распространение их в равной степени на всю территорию государства и обязательность их соблюдения всеми лицами, находящимися на территории государства. Установленный правопорядок государство охраняет с помощью единой государственной судебной системы и вооруженных сил, направленных на обеспечение внешнего аспекта суверенитета. Помимо этого, большая часть государств прямо провозглашает принципы неотчуждаемости и неделимости своей территории (Азербайджан, Албания, Белоруссия, Болгария, Германия, Италия, Литва, Молдавия, Монако, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Эстония), допуская при этом изменение границ только путем принятия закона, как правило, квалифицированным числом депутатов парламента. Конституции Азербайджана, Украины, Франции требуют для решения данного вопроса проведения всенародного референдума.

Говоря о суверенитете и его гарантиях, особое внимание следует уделить средствам обеспечения участия народа в управлении государством. Идея народного суверенитета возникла и развивалась как антипод произволу абсолютной монархической власти, и ее воплощение было призвано, прежде всего, обеспечить защиту прав и свобод личности от тирании. И даже Ж.-Ж. Руссо, обвиняемый в абсолютистском понимании народовластия¹⁵, стремился путем

установления неограниченного народовластия достигнуть, в первую очередь, свободы и блага каждого индивида¹⁶.

Народовластие в своем развитии прошло довольно сложный, тернистый путь, полный острых социальных конфликтов и революционных потрясений. И даже получив свое правовое закрепление в том или ином виде во всех странах европейского континента, как в республиках, так и в монархиях, оно продолжает встречать серьезные препятствия в своей реализации. Дело в том, что нормы, устанавливающие принадлежность суверенитета народу полностью или частично — это утверждения о должном, которые не обязательно на практике соответствуют реальности, и, не будучи надлежащим образом обеспечены, могут столкнуться с сопротивлением или просто с игнорированием со стороны государственных органов и иных субъектов. Это справедливо в отношении вышеуказанных общих гарантий суверенитета и весьма актуально в целях обеспечения установленного в государстве порядка осуществления верховной власти, и, прежде всего, принципа народного суверенитета.

Кратко остановимся на существующих проблемах гарантий народного суверенитета. Как известно, в современных государствах народный суверенитет реализуется двумя способами: путем прямых форм народовластия и посредством народного представительства. О пользе и достоинствах представительных учреждений в литературе сказано достаточно много¹⁷, и мы целиком разделяем мнение авторов, указывающих на их неоценимую заслугу в деле обеспечения политической свободы в обществе и прав граждан, предотвращении узурпации власти. Не допустить присвоения власти в государстве можно при надлежащем проведении разделения властей и сбалансированности системы сдержек и противовесов между ними. Современные европейские государства с парламентской формой правления (Болгария, Ирландия, Исландия, Литва, Люксембург, Македония, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Финляндия и др.) стремятся преодолеть негативное возвышение сформированного парламентом правительства путем введения должности президента, избираемого не парламентом, а всеми гражданами, и предоставления ему реальных возможностей

¹⁴ Устав Организации Объединенных Наций: Сан-Франциско, 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47; Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета. Генеральной Ассамблеи ООН 2131 (XX) от 21 декабря 1965 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства: монография. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 28; Маритен Ж. Указ. соч. С. 50–51.

¹⁶ Руссо Ж.Ж. О политической экономии / перевод с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова // Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. С. 170–171.

¹⁷ См., напр.: Масленникова С.В. Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. М.: ООО «Городец-издат», 2001. 176 с.; Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Типография Грачева и Комп., 1866. 558 с.

воздействия на парламент и правительство (право роспуска парламента, влекущего за собой отставку правительства, право отлагательного вето, законодательной инициативы и т.д.). Президентские республики, в свою очередь, стараются уравновесить президентскую власть: например, во Франции президент не имеет права законодательной инициативы, его вето преодолевается простым повторным голосованием парламента, а сформированное им правительство обязано уйти в отставку при выражении ему парламентом вотума недоверия. В Белоруссии, напротив, прерогативы президента чрезвычайно велики: ему принадлежат широкие полномочия по формированию правительства и роспуску парламента и даже изданию декретов с силой закона. Если во Франции срок полномочий президента был сокращен путем внесения поправок в Конституцию, то в Белоруссии, наоборот, сняты все ограничения в пользу возможности для одного и того же лица избираться президентом неограниченное количество раз. Между тем, в Конституции Белоруссии есть важные положительные моменты обеспечения народного суверенитета, в числе которых институт отзыва депутатов гражданами, народная законодательная инициатива и обязательность референдума по требованию 450 тысяч граждан. Более того, 150 тысяч избирателей могут потребовать внесения изменений в Конституцию, основные разделы которой подлежат пересмотру только на референдуме¹⁸.

Данные рассуждения приводят нас к выводу о том, что для гарантий народного суверенитета необходимы не только сдержки и противовесы между органами государственной власти, но и баланс между представительными и прямыми формами народовластия. В целом, разделение полномочий между этими формами в законодательстве европейских государств проведено крайне неравномерно. Единство наблюдается только по вопросу установления периодических выборов в органы власти на основе всеобщего и равного избирательного права. Примерно половина европейских государств предусма-

тривает отправление правосудия в уголовном судопроизводстве при участии присяжных заседателей. Растет число государств, признавших право народной законодательной инициативы: в качестве последнего примера можно привести Финляндию, предоставившую гражданам такую возможность конституционными поправками от 1 марта 2012 г.¹⁹ На настоятельную необходимость участия народа в правотворчестве государства указывают и отечественные ученые-правоведы²⁰.

Часть европейских государств признает за гражданами право инициативы проведения референдума, а также устанавливает круг вопросов, по которым выяснение мнения населения является юридически обязательным для всех органов власти. В этом плане наиболее обширными возможностями обладают жители Швейцарии, где народ принимает союзную конституцию, конституции кантонов и инициирует их пересмотр, одобряет территориальные изменения между кантонами и любые срочные законы, которые не имеют конституционного основания и срок действия которых превышает один год. Также по инициативе 50000 граждан или восьми кантонов на референдум выносятся любые союзные законы²¹. Конституция карликового государства Лихтенштейн содержит чрезвычайно широкий набор прямых форм народовластия: законодательную народную инициативу и инициативу граждан по проведению референдума, решение которого обязательно, в том числе по вопросам пересмотра конституции, сецессии территории, роспуска парламента, выражения недоверия монарху вплоть до упразднения монархической формы правления²². Четкое определение в Конститу-

¹⁹ The Constitution of Finland 11 June 1999 (731/1999, amendments up to 1112 / 2011 included) [Электронный ресурс] // Finlex Data Bank of Finland's Ministry of Justice: the official website // URL: <http://www.finlex.fi/en/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (дата обращения – 22 августа 2013 г.)

²⁰ Трофимов В.В. Участие структур гражданского общества в правообразующих правоотношениях как форма выражения народовластия [Электронный ресурс] // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 5. С. 147–170 // URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_364.html (дата обращения – 23 августа 2013 г.)

²¹ Federal Constitution of the Swiss Confederation of 18 April 1999 (Status as of 3 March 2013) [Электронный ресурс] // The Federal Authorities of the Swiss Confederation: the official website // URL: <http://www.admin.ch/opc/en/classified-compilation/19995395/index.html> (дата обращения – 22 августа 2013 г.)

²² Constitution of the Principality of Liechtenstein of 5 October 1921: As of: 1 February 2009 [Электронный ресурс] // Issued by: The Government Legal Services of the Principality of Liechtenstein, 2009. 45 p. // URL: <http://www.llv.li/verfassung-e-01-02-09.doc.pdf> (дата обращения – 22 августа 2013 г.)

¹⁸ Конституция Республики Беларусь от 24 ноября 1996 г.: с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь // URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351> (дата обращения – 29 июля 2013 г.); Constitution of the French Republic of 4 October 1958: By virtue of the Constitutional Law no. 2008-724 of July 23, 2008 [Электронный ресурс] // the Constitutional council of the French Republic: the official website // URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/english/constitution/constitution-of-4-october-1958.25742.html#TitleVII> (дата обращения – 22 августа 2013 г.)

ции Дании круга вопросов, по которым обязательно проведение референдума, позволило ее жителям участвовать в определении ключевых основ развития государства четырнадцать раз за последние шестьдесят лет²³.

Отзыв депутата гражданами предусмотрен в Конституции Белоруссии, парламента — в Латвии. Австрия, Исландия, Румыния и Словакия признают за избирателями право отстранения президента от должности по итогам всенародного референдума, инициированного парламентом государства. Албании и Италии известен институт проводимого по требованию граждан референдума об отмене закона.

В современных условиях европейской интеграции весьма актуальным, на наш взгляд, является вопрос о гарантиях внешнего аспекта осуществления народного суверенитета, тем более, что большинство основных нормативно-правовых актов государств Европы «молчит» по этому поводу. Положение об обязательности проведения референдума по вопросу присоединения государства к международным организациям и межгосударственным союзам, влекущим передачу части государственных полномочий на наднациональный уровень, в том числе к Европейскому Союзу, и выходу из них, содержится в конституционных актах Дании, Ирландии, Латвии, Македонии, Словакии, Хорватии и Швейцарии. Возможность референдума по данному поводу, но только в случае принятия такого решения высшими органами власти, предусмотрена в Албании, Польше, Португалии, Словении, Чехии. Иногда практикуется проведение консультативных референдумов: в частности, в Великобритании такой референдум имел место в 1975 г. по вопросу присоединения к Европейским сообществам, также в скором будущем планируется узнать мнение жителей Великобритании о необходимости продолжать членство в Европейском Союзе²⁴. В целом же, законодательство об участии населения непосредственно в решении внешних вопросов развито слабо, и реализация данного аспекта народного суверенитета практически целиком зависит от воли органов государственной власти.

В заключение необходимо сказать несколько слов о конституционных²⁵ гарантиях народного суверенитета в России. К сожалению,

на наш взгляд, в законодательстве РФ недостаточно сбалансированы ветви государственной власти, а также представительная и прямая формы народовластия. В нашей стране непосредственно населением избираются Президент и Государственная Дума. Вместе с тем, Президент получает свои полномочия от преобладающего в обществе политического большинства, в то время как Государственная Дума — орган более широкого представительства, совмещающий в себе различные политические силы, в том числе оппозиционные. Между тем, Государственная Дума по сравнению с Президентом имеет намного меньше рычагов воздействия на иные органы власти. Назначение судей, в том числе всех высших судов, Генерального прокурора находится в ведении Президента и Совета Федерации. Правительство также формируется Президентом, ответственно перед ним, а реализация возможности Государственной Думы выразить недоверие кандидату в Председатели Правительства и Правительству целиком зависит от мнения Президента. Более того, у Государственной Думы даже нет конституционного права инициировать всенародный референдум. Правда, такая возможность сохраняется за гражданами, но условия ее осуществления чрезвычайно сложны: это касается как количества подписей, которые необходимо собрать в каждом субъекте Федерации и в целом по стране, так и условий для формирования и деятельности инициативной группы и ее региональных подразделений, выполнение которых потребует немалых организационных, временных и финансовых затрат²⁶. Что касается изменений Конституции, то граждане нашей страны не наделены правом их инициирования и утверждения на референдуме. Проведение всенародного голосования по пересмотру Конституции не предусмотрено в императивном порядке, а поставлено в зависимость от решения высших органов власти. Представляется, что именно поэтому с момента принятия Конституции за последние двадцать лет в нашей стране общероссийские референдумы не проводились. Иных известных Европе форм прямого народовластия законодательство РФ не содержит, что свидетельствуют, по нашему мнению, о необходимости его реформирования в сторону усиления гарантий провозглашенного народного суверенитета, что будет способствовать преодолению той высокой степени отчуждения государства от народа²⁷, которая существует в современной России.

²³ Referenda: facts and figures [Электронный ресурс] // The Danish Parliament: the official website // URL: http://www.thedanishparliament.dk/Publications/~/_/media/Pdf_materiale/Pdf_publicationer/Informationsark/Engelsk/Referenda.pdf.ashx (дата обращения - 15 августа 2013 г.)

²⁴ Referendums [Электронный ресурс] // The electoral commission: the official website // URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/elections/referendums#> (дата обращения - 22 августа 2013 г.)

²⁵ Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: по состоянию на 30 декабря 2008 г. // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

²⁶ О референдуме РФ: федер. конст. закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ; в ред. федер. конст. законов от 30.12.2006 № 7-ФКЗ, от 24.04.2008 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. 05.07.2004. № 27. Ст. 2710; 01.01.2007. № 1 (ч. I). Ст. 2; 28.01.2008. № 17. Ст. 1754.

²⁷ Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории: монография. М.: Норма, 2011. С. 130.

Подводя итог вышеизложенному, резюмируем, что *суверенитет как признак государства — свойство верховенства его власти — является качественной чертой государства независимо от чьих-либо оценок и фиксации этого факта в законодательстве*. В то же время, осознавая ценность данного явления, основанную на идее блага государства для жизни людей и необходимости его сохранения, законодатели предпочитают закреплять общие гарантии суверенности и независимости государства в фундаментальных правовых актах в качестве правового средства защиты от возможных будущих посягательств на государственную власть суверена со стороны иных субъектов как извне, так и изнутри. К ним относятся принципы территориальной целостности, обороны государства, верховенства законов государства, единство его судебной системы. В силу указанных обстоятельств *в праве находит свое выражение не сам суверенитет как признак государства, а правовые средства обеспечения его стабильности*.

Что касается форм суверенитета, в частности, народного суверенитета, то они являются изменчивыми в зависимости от особенностей

развития того или иного государства, и их смена опосредуется сменой политико-правовых идей и оценок в обществе, самые важные из которых отражаются в законодательстве в виде правовых норм-принципов, при этом их практическая реализация может совпадать или не совпадать с содержанием данных норм, что во многом зависит от имеющихся правовых гарантий должной реализации установленных форм суверенитета. Многие из числа этих норм, такие как осуществление власти народом непосредственно и через представителей, разделение и баланс властей, запрет на присвоение государственной власти, подчинение власти праву и т.д., закреплены в виде правовых принципов в базовых нормативно-правовых актах государств — Конституциях и Основных законах. Таким образом, *принцип государственного суверенитета является собирательным правовым понятием, выраженным во множестве конкретных правовых принципов и нормах права, говорящих о носителе государственной власти, организации ее осуществления, а также о гарантиях установленного порядка властвования внутри государства и его внешней независимости*.

Библиография:

1. Беляев М.П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира: Из истории Вестфальского мирного конгресса. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. — 112 с.
2. Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография. — М.: ИНФРА-М, 2012. — 128 с.
3. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства: монография. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 427 с.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. — 752 с.
5. Ереклинцева Е.В. Проблемы определения суверенитета в России // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 5. — С. 3–8.
6. Ивин. А.А. Логика: для юристов: учеб. пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 288 с.
7. Ивин А.А. Логика: учеб. пособ. — М.: Изд-во Юрайт, 2012. — 387 с.
8. Керимов А.Д. Современное государство: вопросы теории: монография. — М.: Норма, 2011. — 144 с.
9. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч, указ. В.В. Сапова. — СПб.: РХГИ, 1998. — 800 с.
10. Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. и со вступительной статьей директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Л.А. Окунькова. — М.: Изд-во НОРМА, 2001.
11. Крылов Б.С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 6. — С. 2–6.
12. Левин И.Д. Суверенитет: монография. — СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. — 373 с.
13. Маритен Ж. Человек и государство / Пер. с англ. Т. Лифинцевой. М.: Идея-Пресс, 2000. — 196 с.
14. Масленникова С.В. Народное представительство и права граждан в Российской Федерации. — М.: ООО «Городец-издат», 2001. — 176 с.
15. Руссо Ж.Ж. О политической экономии / перевод с франц. А.Д. Хяютина и В.С. Алексеева-Попова // Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. — С. 151–194.
16. Трофимов В.В. Участие структур гражданского общества в правообразующих правоотношениях как форма выражения народовластия // ВВ: Вопросы права и политики. — 2012. — № 5. — С. 147–170. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.5.364 // URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_364.html (дата обращения — 23 августа 2013 г.).

17. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 320 с.
18. Чиркин В.Е. Современное государство: монография. — М.: Международные отношения, 2001. — 415 с.
19. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. — М.: Типография Грачева и Комп., 1866. — 558 с.
20. Referenda: facts and figures [Электронный ресурс] // The Danish Parliament: the official website // URL: http://www.thedanishparliament.dk/Publications/~media/Pdf_materiale/Pdf_publicationer/Informationsark/Engelsk/Referenda.pdf.ashx (дата обращения-15 августа 2013 г.)
21. Referendums [Электронный ресурс] // The electoral commission: the official website // URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/elections/referendums#> (дата обращения — 22 августа 2013 г.).

References (transliteration):

1. Belyaev M.P. Francuzskaya i imperskaya diplomatiya v poiskah mira: Iz istorii Vestfal'skogo mirnogo kongressa. — М.: Institut vseobschey istorii RAN, 2000. — 112 с.
2. Bredihin A.L. Suverenitet kak politiko-pravovoy fenomen: monografiya. — М.: INFRA-M, 2012. — 128 с.
3. Dyugi L. Konstitucionnoe pravo. Obschaya teoriya gosudarstva: monografiya. — М.: INFRA-M, 2013. — 427 с.
4. Ellinek G. Obscheye uchenie o gosudarstve. — SPb.: Izd-vo «Yuridicheskiy centr Press», 2004. — 752 с.
5. Ereklinceva E.V. Problemy opredeleniya suvereniteta v Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2010. — № 5. — С. 3-8.
6. Ivin. A.A. Logika: dlya yuristov: ucheb. posobie. — М.: Gardariki, 2005. — 288 с.
7. Ivin A.A. Logika: ucheb. posob. — М.: Izd-vo Yurayt, 2012. — 387 с.
8. Kerimov A.D. Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii: monografiya. — М.: Norma, 2011. — 144 с.
9. Kistyakovskiy B.A. Filosofiya i sociologiya prava / sost., primech, ukaz. V.V. Sapova. — SPb.: RHGI, 1998. — 800 с.
10. Konstitucii gosudarstv Evropy: v 3 t. / Pod obschey redakciey i so vstupitel'noy stat'ey direktora Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF L.A. Okun'kova. — М.: Izd-vo NORMA, 2001.
11. Krylov B.S. Gosudarstvennyy suverenitet: sovremennyye problemy // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2008. — № 6. — С. 2-6.
12. Levin I.D. Suverenitet: monografiya. — SPb.: Izd-vo «Yuridicheskiy centr Press», 2003. — 373 с.
13. Mariten Zh. Chelovek i gosudarstvo / per. s angl. T. Lifincevoy. — М.: Ideya-Press, 2000. — 196 с.
14. Maslennikova S.V. Narodnoe predstavitel'stvo i prava grazhdan v Rossiyskoy Federacii. — М.: ООО «Gorodec-izdat», 2001. — 176 с.
15. Russo Zh.Zh. O politicheskoy ekonomii / Perevod s franc. A.D. Hayutina i V.S. Alekseeva-Popova // Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty / per. s fr. М.: «KANON-press», «Kuchkovo pole», 1998. — С. 151-194.
16. Trofimov V.V. Uchastie struktur grazhdanskogo obshchestva v pravobrazuyuschih pravootnosheniyah kak forma vyrazheniya narodovlastiya // NB: Voprosy prava i politiki. — 2012. — № 5. — С. 147-170. DOI: 10.7256/2305-9699.2012.5.364 // URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_364.html (data obrascheniya-23 avgusta 2013 goda).
17. Cherdancev A.F. Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudencii. — М.: Norma: INFRA-M, 2012. — 320 с.
18. Chirkin V.E. Sovremennoe gosudarstvo: monografiya. — М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001. — 415 с.
19. Chicherin B.N. O narodnom predstavitel'stve. — М.: Tipografiya Gracheva i Komp., 1866. — 558 с.
20. Referenda: facts and figures [Elektronnyy resurs] // The Danish Parliament: the official website // URL: http://www.thedanishparliament.dk/Publications/~media/Pdf_materiale/Pdf_publicationer/Informationsark/Engelsk/Referenda.pdf.ashx (data obrascheniya-15 avgusta 2013 g.)
21. Referendums [Elektronnyy resurs] // The electoral commission: the official website // URL: <http://www.electoralcommission.org.uk/elections/referendums#> (data obrascheniya — 22 avgusta 2013 g.).

Материал получен редакцией 23 августа 2013 г.